Надежда Сабянина

Конкурс
«Со слов очевидцев 2025»

Победитель

Литрес

Кровавая загадка Торнбриджа

Надежда Сабянина

Кровавая загадка Торнбриджа

«Автор»
2025

Сабянина Н.

Кровавая загадка Торнбриджа / Н. Сабянина — «Автор», 2025

В Торнбридж, где семья Эшдаунов вновь готовится к свадьбе, приглашают Артура Мора — медиума и заклинателя теней, чьи таланты находятся на опасной грани между обманом и истиной.Две предыдущие жены наследника рода Эшдаунов погибли при странных обстоятельствах вскоре после венчания. Теперь опасность нависла и над третьей невестой. Её отец, богатый промышленник, решает не полагаться на удачу и обращается за помощью к Мору.Под маской светских приёмов и спиритических сеансов Мор начинает расследование. Запертые окна, исчезновения, ночные шаги, слухи о родовом проклятье — слишком о многом предпочитают молчать.Чем глубже Мор погружается в тайны Торнбриджа, тем яснее становится: несчастья здесь далеко не результат трагических случайностей. И если он ошибётся, рассвет вновь окрасится кровью.

© Сабянина Н., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1 5
Интерлюдия I 11
Глава 2 15
Интерлюдия II 20
Глава 3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Надежда Сабянина
Кровавая загадка Торнбриджа

Глава 1

Если свернуть с оживленной улицы в самом центре столицы, пройти триста шагов по не самой ровной брусчатке в тенистый переулок, освещённый мягким оранжевым светом, и толкнуть резную дверь с живописным витражом, изображавшим дракона, то можно оказаться в изящной и дорого обставленной приемной. Когда звон колокольчика разольется за пределы холла, из темноты коридора покажется серое лицо с безжизненным взглядом мутных глаз.

Именно такой приём ожидал высокого состоятельного господина в светлом летнем пальто из тонкого твида, с воротником, отделанным благородной кожей. Пышные бакенбарды, едва тронутые сединой и раскинувшиеся поверх лёгкой ткани, издали могли сойти за роскошный меховой ворот.

— Томас Харрингтон к Артуру Мору, — громогласно объявил гость с высоты своего роста, косясь на серое нечто, служившее, судя по всему, ассистентом.

— Эээхэ… — прохрипел не слишком дружелюбный клерк, кивнул и, шаркая ногами, поплёлся назад во тьму, откуда выполз мгновением ранее.

Мистер Харрингтон громко кашлянул — на случай, если медлительный и, судя по всему, не слишком вменяемый служитель приёмной не дойдёт до своего господина, скончавшись от астмы или ещё какой хвори, мучившей беднягу и вынуждавшей дышать, будто через соломинку. Совместно с этим господин покрепче вцепился в трость, сдерживая желание перекреститься.

— Мистер Харрингтон! Добро пожаловать! — радостно и звонко раздалось из открывшейся комнаты в глубине коридора.

Оттуда выскочил высокий и стройный молодой человек в дорогом домашнем костюме. Он был с приятными чертами лица, щегольскими усиками и зализанными на модный манер волосами, немного длинноватым орлиным носом, придававшим ему характера.

Мужчина сразу кинулся к гостю, вытягиваясь во весь рост, чтобы встретиться с мистером Томасом глазами, и протянул гостю руку.

— Рад, очень рад. Артур Мор, к вашим услугам.

Молодой человек неожиданно крепко пожал ладонь визитёра, нервно, но воодушевленно кивнул и протянул свободную руку, приглашая пройти далее по коридору.

Пока длилось недолгое приветствие, к ним подполз серый клерк все с тем же отсутствием эмоций на лице и заметным сопением. Артур Мор покосился на ассистента с лёгким пренебрежением, скользнувшим по лицу, но очень быстро снова ослепительно улыбнулся и виновато объяснил:

— Мой дальний родственник. Если его дядюшка — в моём лице — не поможет заработать на хлеб и не предоставит крышу над головой, то куда вообще катится этот мир?

Мистер Харрингтон поспешил горячо согласиться с хозяином и устыдиться за своё первое впечатление о клерке. Правда, мысль о том, что «дядя» выглядит моложе «племянника» на добрых пятнадцать лет, все же царапнула сознание.

— Дэдс. — Артур строго обратился к своему «племяннику». — Возьми пальто у гостя и принеси нам.. эээ… чаю в гостинную.

Последняя фраза звучала с плохо скрываемым сомнением. Но здесь оба — и Артур Мор, и Томас Харрингтон — одинаково скептически отнеслись к способностям Дедса выполнить подобный набор указаний.

Несмотря на недоверие, Дедс стянул с визитёра тяжёлое пальто и умудрился повесить его на вешалку. И пусть его немного потряхивало, он даже согнулся, чтобы пройтись щеткой по ткани, собирая пылинки и шерсть с улицы.

— Прошу за мной в гостиную, — промурлыкал хозяин дома.

Мистер Харрингтон размял плечи, бросая последний взгляд на медленного, но упорного слугу, и направился следом за его жизнерадостным хозяином. *«Кто знает, что правда в рассказах об этом Море? Может, он как медиум поддерживает какое-то слабое сознание в слабоумном родственнике, а может питается его жизненной силой? Вон как припустил, как молодой кузнечик. Нужно быть осторожней»*, — поджимая губы, подумал про себя рослый господин и, крякнув, последовал за хозяином дома.

***

— Прошу, присаживайтесь, — протянул Мор, разворачивая со скрипом тяжёлое обитое красным бархатом кресло от камина лицом к гостю.

Харрингтон не упустил из виду второе такое же кресло, обращённое к огню. Но, к его некоторому изумлению, ему был предложен крепкий стул. Впрочем, тоже вполне комфортабельный. В дополнение дорогой предмет гарнитура стоял рядом с круглым кофейным столиком, на который Дэдс как раз ставил поднос с горячим чайником, маленькими фарфоровыми чашками и блюдцем с сахарным печеньем.

Мор предусмотрительно остановил ассистента от попыток разлить чай — слишком велика была угроза облить кипятком дорогой пиджак гостя. Хозяин дома занялся этим делом сам. Недовольно кривясь, он отпустил клерка. Тот впервые метнул осознанный взгляд куда-то за спину хозяина, после чего с тихим стоном, шаркая, покинул кабинет.

«Не удивлюсь, если несчастный живёт под лестницей и просыпается только с закатом солнца», — мелькнуло в мыслях Харрингтона.

Эта догадка подтолкнула его обернуться и посмотреть в окно, пока Мор возился с чаем, будто намеренно не торопясь. Улицы города окутали ранние сумерки. Яркий рыжий свет заката почти угас, уступая прохладной синеве молодой ночи. Харрингтон тревожно фыркнул, и хозяин дома не удержался, мысленно сравнив своего гостя с моржом.

Конечно, визиты в это время суток были не в обычае, но приёмная Артура Мора — медиума, экстрасенса или, как более высокопарно значилось на позолоченной табличке у входа, «Проводника в царство теней» — открывала свои двери лишь три дня в неделю, с понедельника по среду, и всегда с наступлением заката.

***

За окном зажглись фонари. У стены кабинета потрескивали поленья, пожираемые пламенем. Напротив визитёра с удобством, закинув ногу на ногу, устроился загадочный Артур Мор. Он оглядел гостя черными глазами: взгляд бегал по фигуре будто пытался разгадать причину его визита прямо на костюме.

Удовлетворившись, а может не найдя ответов, Мор ласково спросил:

— Теперь, когда за окном стемнело, и все приличия соблюдены, могу ли я узнать, что привело вас ко мне?

Харрингтон открыл было рот, как дверь позади скрипнула, и в комнату, текуче огибая ножки стола, вошла белая как снег огромная кошка. Она грациозно запрыгнула на колени к Мору и уставилась на гостя красными глазами. Хозяин немного пошевелился, чтобы тяжелое животное удобно устроилось, и, не касаясь кошки, изящно махнул ладонью, предлагая ответить на заданный ранее вопрос. Но Харрингтон не мог проигнорировать появление столь необычного зверя:

— Дивная киска, — невольно восхитился мужчина.

— Это оцелот. — Равнодушно поправил Мор.

— А глазищи то красные!

— Альбинос. — Мор взял в руки блюдце и, оттопыривая мизинец с внушительного размера перстнем, отпил, ожидая, когда гость насмотрится на кошку и соизволит наконец приступить к рассказу.

Харрингтон не был из благородной семьи, но ему хватило чуткости понять, что его ждут.

— Да. Кхм, прошу простить. Больно красивая… эээ… кошка. — Под пристальным взглядом красных глаз слово «оцелот» напрочь вылетело из его головы. — Господин Мор, я бы хотел пригласить вас на свадьбу. — Серьёзно начал Харрингтон, прочищая горло и напуская на себя суровый вид.

Ровные черные брови щеголеватого медиума приподнялись, уголок рта дрогнул, но он продолжал молчать, нежно поглаживая фарфоровое ушко чашки. Харрингтон продолжил:

— Так. Скоро, стало быть, свадьба моей дочери. Семья женихов — светские люди. Брак не только выгоден для всех участников, но и добровольный. Моя любимая Августина очень привязалась к молодому человеку. Я в свою очередь неоднократно устраивал обеды и прогулки, чтобы поближе познакомиться с её избранником. Смею доложить, он производит крайне благоприятное впечатление и будто бы даже увлечен моей дочерью с той же пылкостью, как и она им…

На время внушительная фигура гостя будто бы поникла и стала меньше. Харрингтон на мгновение задумался, не зная, как подступиться к главному.

— Выходит, я могу только поздравить вас, — терпеливо, но не отводя взгляда, отозвался Мор, понимая, что истинная причина визита ещё не названа.

— Да, да, — покачал головой Харрингтон. — Я бы сам себя поздравил, кабы её женихом не был Эдвард Эшдаун!

Мор покосился на кошку, будто ища у нее разъяснений. Но та продолжала бесстрастно изучать гостя красными глазами.

— Прошу прощения, это имя должно мне о чём-то сказать?

— Милостивый Господь! Эдвард Эшдаун? — вскинул голову взволнованный посетитель. — Вдовец из Торнбриджа!

Мор глуповато моргнул. Оцелот чуть наклонила голову.

— Да как же вы можете его не знать? Год назад все газеты как ужаленные мусолили детали его свадеб!

Мор благодушно вздохнул и тихо кашлянул в кулак прежде, чем прокомментировать свою неосведомлённость. Белая кошка на его коленях прищурилась и заурчала:

— Мой друг, вы совершенно правы, удивляясь моему неведению. Я совершенно недавно стал вхож в высший свет и, признаюсь, не в курсе большинства сплетен. Начните сначала. «Свадьбы», вы сказали?

— Да было бы, что начинать, — вздохнул посетитель и, раздумывая, что рассказать в первую очередь, отправил в рот маленькое печенье. — Всё, что я знаю наверняка, это то, что молодой Эшдаун уже дважды вдовец. Меня волнует, как бы он не стал им в третий раз — за счёт моей Августины. Она моя единственная дочь от женщины, которую я любил всем сердцем и которой абсолютно точно не собираюсь искать замену.

Мор выпрямился, оцелот перестала урчать — оба уставились на гостя.

— Это внушает уважение, мистер Харрингтон. В этих стенах мы, кхм, я не допускаю осуждений, — зачем-то уточнил медиум, но Харрингтона эта фраза странным образом приободрила.

Мор мягко продолжил:

— Давайте вернёмся к прошлому вашего будущего зятя. Расскажите, что известно об обстоятельствах смерти двух предыдущих невест? — Мор прикрыл глаза, сложив ладони домиком и упираясь губами в указательные пальцы.

— Обе девицы ушли из жизни добровольно, — пожал плечами гость, чувствуя, что ему снова становится не по себе. Но скрывать что-либо от медиума, коль уж решил воспользоваться его услугами, было бы глупо, поэтому он с жаром продолжил. — Только я вам так скажу, не выходят молодые барышни замуж, сияя улыбками в белом платье, чтобы в течение трех дней после бракосочетания шагнуть с балкона!

— Обе молодые супруги выпали с балкона? — с не слишком достойным интересом оживился Мор.

— Насколько мне известно. В газетах писали, что первая миссис погибла по несчастному стечению обстоятельств, выпав с балкона, а вторую объявили «скоропостижно скончавшейся» без уточнений. Но в клубе, где я бываю со старшим Эшдауном, поговаривали, будто вторая молодая жена забралась на крышу и бросилась оттуда. Мол она была слишком впечатлительна, и история о первой жене в конец расшатала её нервы.

Мор прищурился:

— Что-то ещё? — он мизинцем провел по аккуратным усикам, не спуская глаз с Харрингтона.

Гость откинулся на стуле и затряс головой:

— Вы словно знаете наперёд, мистер Мор. Словно знаете!

Он зачем-то осмотрелся по сторонам, будто их мог кто-то подслушивать и наклонился поближе к хозяину дома. Оцелот навострила уши.

— Среди слуг поговаривали, якобы вторая невеста молодого Эшдауна бежала на крышу словно ошалелая, а по пути дёргала все оконные ручки, искала ту, что откроется. Но хозяева заблаговременно приказали подбить рамы гвоздями. Так она до чердака и добралась, а там выбралась на крышу… ну и…

— Хм. Любопытная предосторожность, — протянул Мор, запрокинув голову.

Харрингтон всё больше чувствовал себя не в своей тарелке. Бестактное любопытство хозяина вкупе с красным немигающим взглядом белой зверюги нервировали, к тому же сахарное печенье закончилось… Он заёрзал на стуле и, вынимая серебряный портсигар, спросил:

— Вы дозволите, я покурю?

— Ни в коем случае, — мягко, но твёрдо ответил Мор, отвлекаясь от созерцания потолка. — Давайте лучше обсудим предыдущих несчастных счастливицах молодого Эшдауна, — усмехнулся он собственному каламбуру. Оцелот вздохнула. — Что вам о них известно?

Гостю, выбитому из колеи, внезапным отказом в курении понадобилось мгновение, чтобы собраться и ответить на вопрос.

— Вторую мисс я знал лишь понаслышке. Дочь мануфактурщика. Хорошее приданое. — Харрингтон одобрительно кивнул.

— А первая девушка?

Мужчина помрачнел:

— Анабель Марч… Старшая дочь Генри Марча. Он крупный пайщик в судоходной компании, с которой я сотрудничаю. Мой давний и добрый компаньон. — Голос Харрингтона стал глуше, а сам он обмяк, опустил косматую голову и уставился на свои ладони.

— Получается, все девушки из состоятельных семей, — выдержав паузу, подытожил Мор.

— Да. Когда крыша фамильного особняка начинает течь, а цены на мясо и содержание слуг дорожает, внезапно выясняется, что дочери некогда разбогатевших простолюдинов ничуть не уступают в красоте аристократкам.

— У Эшдаунов проблемы с финансами?

— А у кого нынче из этих раздутых самомнением аристократов нет? — усмехнулся Харрингтон и тут же поморщился, от чего его пышные бакенбарды ожили и затрепетали. — Ходили слухи о некой танцовщице, к которой мой будущий зять питал слабость несколько лет назад,

но семья пресекла их всякое общение. Так что пышное приданое невест для Эшдаунов — немаловажный фактор.

— Где сейчас та девушка, вам известно?

— Помилуйте, господин! Откуда?

— И то верно, — вздохнул Мор, не скрывая разочарования. — Выходит Эдвард Эшдаун из любвеобильных? — улыбнулся он одной половиной рта.

— Пожалуй. Но это было давно, и далеко у них не зашло. Но сомневаюсь, что он повеса. Как ни крути, а на той танцовщице он собирался жениться. — Харрингтон занервничал и поспешил объясниться. — Но послушайте, я не зря уточнил, что неоднократно обедал с молодым человеком. Он производит впечатление человека чести, которого постигла необъяснимая череда трагических случайностей.

— Не столько его, сколько девиц, ставших его женами, — тихо фыркнул Мор.

Харрингтон гневно сверкнул глазами. Но хозяин дома будто не заметил неудовольствия гостя и продолжил:

— Мистер Харрингтон, почему вы приглашаете меня на свадьбу своей дочери, если убеждены в том, что её жених человек честный?

— А вы что, детектив? — Огрызнулся торговец, но быстро смягчился. — Послушайте, мистер Мор, я человек состоятельный, а дочь у меня единственная. Все, что зависело от меня, я сделал. С моей стороны этот брак благословлен не только с точки зрения выгоды для семьи, но и на перспективу счастливого супружества. Однако, — он сделал паузу и задумался, подбирая слова. — Я могу позволить себе подстраховаться.

Мор уперся острыми локтями в мягкие подлокотники кресла и наклонился ближе. Оцелот зевнула, продемонстрировав острые длинные клыки и ярко-розовую пасть.

Сглотнув, гость крякнул и выпрямившись на стуле деловито продолжил:

— Вы будете моим гостем на празднестве. Оно начнется за три дня до церемонии. Я хочу, чтобы вы, пользуясь своими… навыками, если действительно таковыми обладаете, убедились, что моей Августине ничего не грозит. Если у вас будут доказательства грозящей опасности, то доложите мне, и свадьба будет отменена. Я удвою гонорар. Если не заметите ничего необычного, она выйдет замуж и через две недели по-прежнему будет счастливой женой — я удвою гонорар.

Он открыл рот, но Мор с широкой улыбкой перебил его:

— А если я допущу бракосочетание, а несчастье повторится? — прищурился Мор.

— Тогда весь свет узнает, что Артур Мор — шарлатан и проходимец! — не дрогнув, произнёс Харрингтон. — Я засужу вас. Всё наследство вашей дальней тётки достанется мне, в качестве компенсации, а вы сядете в тюрьму за мошенничество.

Артур вскочил с кресла так быстро и резко, что огромная кошка едва успела соскользнуть с колен прежде, чем полетела бы кубарем на пол. Он расправил плечи и выпятил грудь, на мгновение Харрингтон уверовал, что медиум потребует от него пойти прочь из дома, но вместо этого Мор протянул купцу руку с бледным, полным решимости лицом.

— По рукам!

— Вы настолько в себе уверены?

— Мне нужно заявить о себе и о своих возможностях! Выйти в свет. И похоже, духи благоволят, раз привели вас прямиком ко мне.

Харрингтон усмехнулся:

— Разве только это духи разместили огромную рекламу вашего салона на передовице почти всех газет.

Мор не отреагировал на слова, будто вовсе их не слышал. Он ещё раз тряхнул растопыренной ладонью, ожидая рукопожатия.

*****

Харрингтон распрощался с Мором, пообещав утром прислать лакея с приглашением на свадьбу. В холле его уже ждал Дедс с пальто на вытянутых руках.

Отдавая должное странному молчаливому клерку, который, пусть и не слишком твердо стоял на ногах, но обладал терпением достойным статуи, Харрингтон покинул приёмную Артура Мора. Удаляясь, он не мог отвязаться от назойливого ощущения и зудящего вопроса: Что все это было, и какую услугу он только что приобрел в лице этого странного господина с его чудаковатым офисом.

Проводив посетителя, Артур вернулся в кабинет, где в повернутом к камину кресле появилась статная фигура.

— Какой интерес для нас ты увидел в этом деле? — раздался томный, нежный голос из кресла.

Мор подошёл к окну, открыл створку и вдохнул ночной воздух. Не оборачиваясь, он ответил:

— Мне кажется, нам может улыбнуться удача. Если молодой Эшдаун окажется упырём или колдуном — тем лучше. А если нет, я всё равно получу рекламу. Имя Харрингтона гремит во многих уголках города.

— Хмм… Пожалуй, это разумно. Ты отдашь все необходимые распоряжения, чтобы я смогла отправиться с тобой?

— Конечно. Завтра лакей принесёт приглашение на свадьбу и чек с авансом, я отправлю с ним распоряжения.

Холодный ветер касался лица и груди Артура. Ночь смывала запахи и шумы дня, возвращая тишину и восстанавливая гармонию: оседала пыль, затихали шум и гвалт толпы, кислый запах пота рабочих и лошадей рассеивался до утра.

— С чего думаешь начать?

Изящные бледные ладони с длинными жемчужно-розовыми ноготками вытянулись поближе к огню. Артур заметил это и крикнул, оборачиваясь к двери:

— Дэдс! Позаботься о камине! Я открою ещё одно окно.

В кабинет вполз клерк и прошаркал мимо Артура, направляясь к корзине, чтобы подбросить пару поленьев в костер.

— А он не загорится? — с сомнением спросил Мор.

— Нет, — усмехнулась фигура. Смех разлился по кабинету, словно звон серебряного колокольчика.

— Разумно ли держать ассистентом в приемной покойника? — полушёпотом задал вопрос Артур.

— Кто ещё будет столь же молчалив и надежен? — ласково пропел голос из кресла.

— А молчание для ассистента, конечно, не минус…

— Конечно, нет. Все оценят, вот увидишь.

Мор открыл было рот, чтобы возразить, но голос прервал его. В нем прозвучали недовольные нотки:

— Я задала тебе вопрос, Артур.

— Да. Да… — задумался Мор, поворачиваясь к окну, когда Дэдс справился с заданием, и огонь в камине разгорелся с новой силой. — Завтра попробую разузнать о первой любви Эдварда Эшдауна — танцовщице. Если и она, став предметом обожания этого молодого человека, распрощалась с миром живых… значит, у нас точно появилась работа.

Интерлюдия I

Генри Беккер крался тёмными окольными путями, через дурно пахнущие переулки, чтобы поскорее добраться до чердака, в свою убогую комнату. Если суеверия не врут, там он будет в безопасности. В мрачные глупые пугалки Генри не верил, но этот вечер внёс некоторые изменения. После того что он увидел, приходилось либо признать ошибку, либо усомниться в собственных выводах. А выводы Генри ещё никогда не подводили.

Будь проклята его наблюдательность и память! Эти качества кормили его с двенадцати лет и обеспечивали худую, но всё-таки крышу над головой. Надо было предполагать, что однажды он заметит что-то такое, что оборвёт его лихое, но жалкое существование.

Позади раздались шаги. Что это — обычная подошва пьянчуги, завсегдатая таких вот переулков или каблучки дорогих дамских туфелек? Генри ускорил шаг. Стук о мостовую стал ближе. К нему добавилось невесомое шуршание муслиновой юбки: чёрная, с красными кружевами… Цок, цок, цок… бордовые замшевые туфельки с чёрными шёлковыми шнурками и гладкими носами, обитыми кожаной резной вставкой. Шаг не становился быстрее, тогда почему стук слышался всё ближе?

Беккера прошиб холодный пот. Сердце колотилось так, будто собиралось пробить грудную клетку. Перед глазами плыло, а переулок впереди, словно сужался, угрожая поймать его в ловушку.

Как это часто бывало, когда страх достигал предела, все чувства теряли остроту, оставался лишь холодный расчёт. Вот и теперь, не переживая более тремор рук, пока сердце замедлялось, потеряв стимул к ускорению, с застывшей ясностью он осознал: до дома не добежит. А ещё, свернув сюда, он сам лишил себя возможности постучаться в любую дверь в поиске укрытия.

Когда неизбежное стало столь же очевидным, как и мерзкий запах подворотен, Генри выпрямился, вдохнул полной грудью гадкий воздух и, возможно, в последний раз взглянул на ночное небо. Затем резко развернулся.

Его взгляд тут же упёрся в аккуратную голову покрытую гладкими, как стекло, и нежными, как шёлк, белыми, словно утренние облака, волосами.

«Мне конец», — спокойно отметил он. Беккер принял приговор, в котором ни секунды не сомневался и, с обречённой грацией, расплывшись в улыбке, поклонился:

— Мисс МакКрей, могу ли я быть чем-то полезен?

Роскошное платье, расшитое мелкими камешками, сверкнуло в свете звезд. Лисий взгляд, устремлённый на Генри, скользил по его лицу, изучая, с дотошностью детектива.

— Здесь опасно гулять ночами, мистер Беккер, — ласково, почти убаюкивающе, зазвучал мелодичный голос, которому было совершенно не место среди этих забытых богом переулков. А впрочем, может, именно здесь ему и было самое место… — Проводите меня до экипажа.

Генри решил, что его существование всё-таки продлится ещё какое-то время. Страх и предчувствие неизбежной гибели сменила страсть исследователя. Он согласился на просьбу.

Пара медленно развернулась к выходу на главную улицу. К удивлению и трепету Беккера, на его локоть легла маленькая ладонь в сетчатой чёрной перчатке с красным, словно кровь, бантом на запястье.

— Вы меня крайне удивили, мистер Беккер! — начала мисс, не скрывая восхищения. Герни был польщён. — Как ловко вы разгадали причину гибели мистера Броумса сегодня на маскараде! Никто, кроме вас, не заметил, что его бокал был почти пуст, когда он поднимал тост. И что он отставил его на время из-за внезапного преподнесенного подарка падчерицы… И как точно вы сообразили, что он умер не от сердечного приступа, а от яда…

— Благодарю, мисс МакКрей. Похвала из ваших уст мне приятна как ничья иная, — ответил Беккер искренне. Удивить такую, как она… Не самое последнее достижение в жизни, коль на большее у него уже не осталось времени.

Белые ресницы затрепетали, будто девушка сдерживала улыбку. *«Нормально ли любоваться ею в такой момент?»*— задумался он, но не отказал себе в последнем удовольствии. *«Она словно с луны — с этой фарфоровой кожей, без единой морщинки, с розовыми губами, цвета молодых лепестков… и, конечно, белыми, как снег, волосами и ресницами. Вот только глаза…»*.

— Вы мне льстите, мистер Беккер, — её голос звенел и завораживал. Генри и не думал сопротивляться чарам.

— Жаль злоумышленники не дождались возмездия, — вздохнул он, любуясь её идеальным профилем.

— О, разве они не получили по заслугам? — Мягко удивилась она.

Беккер глупо хихикнул и сразу пожалел, что ляпнул о возмездии, не подумав. Его попутчица явно имела совершенно противоположное мнение.

Он попытался сгладить:

— Внезапная смерть падчерицы и её супруга-отравителя, в некотором смысле, можно считать карой за содеянное.

— Они не вынесли того, что вы раскрыли их злодеяние, — покачала она головой. — Убийство ради наследства человека, который тебя воспитал, чтобы скрыть свои пороки и долги… Отвратительно! Если бы они остались живы, на их головы обрушилось не только порицание светского общества. Они бы были с позором повешены на площади, а перед этим прошли бы семь кругов мучений в тюрьме. Их решение выпить собственный яд… объяснимо и, если вдуматься, гуманно.

— Так заявила полиция, — пробурчал Генри себе под нос.

— Что?

Беккер обругал себя за неумение держать язык за зубами и, вздохнув, поспешил объясниться. Надежды на то, что она его не расслышала, было меньше, нежели на то, что они догуляют до рассветного часа.

— Об отравлении… Так заявила полиция. Думаю, они проведут вскрытие и…

— Детектив был так добр, что заверил меня: сомнений нет, виновные выпили яд.

Она замедлила шаг и потянула Генри за локоть. Хватка оказалась такой, будто он зацепился за чугунный фонарь и попытался сдвинуть его с места.

— Что ж… — усмехнулся Беккер, всё больше восхищаясь белокурой мисс. — Да здравствует правосудие!

И тут он понял: что за то время, пока они шли, переулок давно должен был закончиться. Но, несмотря на быстрый шаг, они так и не приблизились к выходу. Они двигались, но словно стояли на месте. А может, это стены удлинялись, не желая выпускать пару из тёмного закоулка, где тело Беккера даже найдут не сразу.

Раз покинуть этот зловонный закуток у Генри не оставалось никакой надежды, он решил, что заслужил узнать больше об Эйслинн МакКрей.

— Что ж, мисс, не могу отказать себе в любопытстве и задам вопрос. Как вы оказались на маскараде у Броумса?

— Так же, как и вы. Получила приглашение.

— О, уверен, вам приходят тысячи приглашений на всевозможные вечера и рауты. Но почему вы решили посетить именно этот?

Она вскинула на него глаза — карие, с красноватым отблеском, цвета молодого вина. И помедлив, всё-таки ответила:

— Искала кое-кого…

— Расскажете? — Беккер вложил всю мягкость, на какую был способен.

— По правде сказать, я думала обнаружить этого, — она запнулась. — человека под именем Генри Беккера. Взявшегося из ниоткуда фокусника, который быстро покорил все светское общество. Казалось бы, этот город давно закален к обману, принимающему любые формы. Но вот он вы, а вот ваша растущая популярность.

— Жаль вас разочаровывать.

— О, наоборот. Вы заинтриговали меня куда сильнее. Я не жалею, что побывала на вечере.

— Не сомневаюсь.

Генри вспомнил бледные, мёртвые лица падчерицы Броумса и её жениха — искажённые не то ужасом, не то осознанием медленной неминуемой гибели. В последние минуты, они не могли шевельнуться, наблюдая как жизнь покидает их. Он должен был испытывать лютый ужас… но где там. Не в силах отвести взгляда от серебряной макушки спутницы, он только сильнее ощущал завораживающую красоту и грацию этого удивительного, обманчиво хрупкого, смертоносного хищника.

— Не лукавьте, мистер Беккер, — произнесла она. — Вы ведь не читаете мысли других. Как вы раскрыли, от чего погиб хозяин? — в её голосе едва заметно промелькнуло напряжение.

— Не собираюсь даже пытаться обмануть вас, мисс МакКрей. Конечно, нет. Я не слышу мыслей и не вижу духов.

— Тогда как же?

— С самого детства я обладаю способностью не упускать ни единой мелочи или детали. Будь то мимолётная улыбка или едва заметный изгиб бровей. Я чрезмерно наблюдателен. Буквально ничто не ускользает от моего внимания, а угодив в сети памяти, остаётся там навсегда.

— Значит, никаких сверхъестественных способностей? —Уточнила она, слегка прищурившись.

— О, напротив, — улыбнулся Беккер. — Считаю их весьма неординарными. Все мои сеансы — честные. — Он усмехнулся, осознав, как забавно это прозвучало. — Я имею в виду, что не обманываю, узнавая какие-то факты из жизни моих клиентов заранее, как делают прочие «экстрасенсы». За каждое своё слово я готов ручаться головой.

Он сглотнул. Упоминание про потерю головы немного охладило пыл и напомнило, с кем он беседует.

— Вы потому уточнили о вскрытии погибших? Не верите в заключение детективов?

Беккер понял, что он ступает по очень тонкому льду, но отступать было поздно.

— Вы же сами знаете, что нет. Иначе, всё, что я тут наговорил о своих талантах не стоит даже ломаного гроша.

Она сощурилась, дёрнулась как кошка, увидевшая добычу, и прошипела:

— Расскажите!

Генри вздохнул. Вот они последние мгновения. Он прикрыл глаза, чувствуя прохладный ночной воздух. Вот бы запах был чуть приятнее — сгодился бы даже городской спёртый воздух, наполненный металлическим ароматом газовых фонарей с кислыми нотами тины, доносящихся от реки. Наслаждаясь ещё живым, сильным телом, Генри заговорил:

— Пузырёк, что жених-аптекарь оставил у себя в кармане, пах спиртом, а также терпкой травой. Нетрудно догадаться, убийца знал, что подмешивать несчастному, чтобы смерть напоминала сердечный приступ. Я предполагаю, подмешали настойку наперстянки. Беда только в том, что пузырёк маловат для троих жертв. Прибавьте сюда отсутствие запаха алкоголя: ни от бокалов, ни от тел. Злоумышленники не взяли в рот ни капли горячительного в тот вечер. Планировали убийство с холодной головой. Так чем же они тогда отравились?

— И это ещё не всё… — Она знала. Конечно, знала.

Помедлив, Генри ответил:

— А ещё тонкий, едва заметный порез на запястьях… но ни капли крови.

— Их нанесли после смерти? — с притворным интересом спросила она.

— Нет, — покачал головой Беккер, понимая, что она играет с ним. — Когда я стоял там, около бледных тел с фарфоровыми лицами и синими губами, то первым делом, обратил внимание не на порез. А на странную неестественную температуру тел. Их грудь и шеи были холодными, будто смерть наступила часы, а не мгновения назад.

— Невообразимо! Кто же мог совершить такое изощрённое убийство? Кто-то, кто любил мистера Броумса, быть может?

Они остановились. Эйслинн МакКрей моргнула огромными кукольными глазами, глядя прямо ему в лицо. Скажи это!

— Или тот, у кого обостренное чувство справедливости, — тихо произнес Генри. — Тот, кто слышал мой разговор с падчерицей и её женихом в запертой комнате. Когда они грозили засадить меня в тюрьму за мои «фокусы» и спекуляцию на смерти их отчима. Особенно после того как получат наследство и расплатятся с огромными карточными долгами. Их убил тот, кто смог незаметно спрятаться в той комнате, да так, что даже я не заметил его присутствия. Тот, кто смог обескровить тела, не пролив ни капли… и чарами убедил детектива поверить в самоубийство убийц.

— Кто же это? — её взгляд прожигал, а голос прогремел так, что каменная кладка стен вокруг дрогнула.

— Я говорил, что замечаю почти всё, — с усилием улыбнулся Беккер. — В зале после моего возвращения отсутствовала лишь одна персона… Вы.

Последнее, что он увидел, — её прекрасное лицо и нежная улыбка. *«Хорошо, что нет никаких клыков и отвратительного лика чудовища»*, — подумал он, прежде чем тьма окутала всё вокруг.

Глава 2

Артур Мор уже битый час трясся в экипаже, не совсем довольный тем, как всё обернулось.

— Мистер Харрингтон мог бы уточнить, что прибытие на предсвадебные празднества в Торнбридж назначены через день после его визита! — ворчал Артур, попутно сокрушаясь, что он пропускает красоту загородной природы из-за задёрнутых портьер. — Я даже не успел заказать пошив костюма на выход!

Снежно белый оцелот щурила глаза, растянувшись во всю длину на сидении напротив. На её шее блеснул огромный камень вшитый в кружевной ошейник, больше напоминающий воротник богатого платья.

— Помимо прочего, придётся узнавать о первой возлюбленной жениха из сплетен у гостей на празднике, — вздохнул Мор.

Большая кошка вопросительно мурлыкнула.

— Конечно, не проблема, — отреагировал Артур. — Никто не скроет своих тайн. Всё будет разгадано моим острым умом и сообразительностью!

Кошка фыркнула.

— Не без твоей помощи, конечно. — Мор мизинцами пригладил аккуратные усики. — Ещё бы новый костюм для большей импозантности…

Оцелот закрыла глаза и отвернулась, будто сова, игнорирующая скучный предмет.

*****

Дорога к Торнбриджу петляла между холмов, из-за чего Артур в конце концов задремал, убаюканный отсутствием солнечного света и мерным покачиванием.

Когда экипаж выехал на прямую дорогу, пролегающую вдоль старой липовой аллеи прямиком к особняку, Мор впервые высунул нос в щелку между портьерами и увидел особняк. Осмотрев величественное старое здание, он приподнял брови и одобрительно покачал головой.

Перед фасадом раскинулись цветущие кусты роз и сирени. Молодые, буйные и очень яркие. Мор обожал запахи цветов и с наслаждением ждал момента, когда покинет порядком надоевший экипаж с его сумерками в кабине и сможет полной грудью вдохнуть свежий аромат поздней весны.

Подъездная аллея заросла травой — не густо, но достаточно, чтобы колёса скрипели мягче. Лестница к парадному входу чуть осела, балясины треснули, но перила были вычищены до блеска. На бронзовой ручке двери отражалось солнце — кто-то протирал её совсем недавно.

Торнбридж, при всей своей строгости и старинности, не выглядел покинутым. Величественный, из светлого камня, с огромными окнами в тяж\лых рамах и башенками — он напоминал пожилого джентльмена, аккуратно подкрашивающего седину (пусть и своими силами, чтобы не тратить лишние деньги) и надевающего лучший сюртук, чтобы выглядеть опрятно, как подобает человеку из высшего общества.

Мор крикнул кучеру, чтобы тот вел экипаж за угол особняка в длинную тень ко входу для слуг. Быстро прошмыгнув по лестнице ведущий вниз, Артур шагал следом за молодым юношей, тащившим на плече ящик с репой. Оцелот следовал по пятам за хозяином. Они остановились на пороге и Артур весело окликнул молодого человека:

— Юноша, я гость на свадьбу Эшдауна младшего, позволите войти?

Крепкий парень с красными от усердной работы щеками, ошалело поглядел на Мора:

— Заходите, но главный вход там… — Он потянулся указать гостю направление, но тот уже соскользнул с последней ступени и стоял в коридоре для слуг. За ним следом медленно вошла огромная белоснежная кошка и села у колена хозяина.

— Любезный, где мне искать Томаса Харрингтона… — спросил Мор, игнорируя указание о входе для гостей. Помедлив, он добавил: — Отца невесты.

— А вы… — глаза парня забегали от лукавой улыбки богато одетого визитёра на огромную белую кошку, грациозно сидящую у его ноги, без намёка на поводок.

— Ах, виноват, — блеснул белозубой улыбкой Артур. — Артур Мор, экстрасенс, медиум, заклинатель и проводник в царство теней.

Он изящно и наигранно поклонился, будто был марионеточной куклой. А когда выпрямился, продолжил тем же игривым театрализованным тоном:

— Прибыл по приглашению Томаса Харрингтона на бракосочетание его дочеры Августины и молодого Эдвардра Эшдауна.

— Я не… — заволновался юноша.

— Слишком сложные слова! Понимаю. — Артур похлопал юношу по плечу, после чего обтёр ладонь перчатками. — Просто скажите, где искать отца невесты или кого-нибудь из господ?

— Так, давеча все в саду собралися!

— Волшееебно! — проятнул Артур и направился в глубь дома. Оцелот бесшумно ступала, не отставая от его ноги, будто приклеенная.

— Постойте, мистер! Чтобы пройти в сад, вам лучше обойти дом… — Кричал носильщик в спину Мору, но тот только махнул ладонью, будто это как раз именно то, что он собирается сделать. Уверенность походки, убедила слугу, что странный господин найдёт дорогу сам. В крайнем случае встретит кухарку, которая отругает и выставит из особняка, развернув длинный нос гостя в верном направлении.

— Праздничная суета… — бубнил себе под нос Мор, лавируя между прачками, носильщиками с вазами цветов и орущей экономкой, спешащими по делам служанками и прочим одуревшим персоналом. В любой другой ситуации огромный белый зверь у ноги гостя не остался бы незамеченным, но не при такой суматохе, когда нервы у всех искрились от напряжения.

В конце коридора Артур наткнулся на лестницу и поднялся по мягкому ковру в холл. Он с восторженным восхищением осматривал огромное светлое помещение, украшенное цветами, и лентами, как позади донеслось:

— Мор! Вы прибыли!

Из-за спины к нему спешил Харрингтон, слишком напомаженный и румяный для человека его возраста. Одного взгляда хватило, чтобы понять: отец стремился угодить дочери и позволил нарядить себя на её усмотрение.

— Отчего вы здесь, а не в саду? — волновался Харрингтон, то и дело ворочая головой, вероятно, из-за слишком туго завязанной бантом ленты.

— Успеется, — улыбался Артур. — Для начала, я бы хотел найти свою комнату и скинуть с себя этот до неприличия пыльный дорожный костюм…

Игнорируя странное заявление о пыли, на которую не было и намека на идеально отглаженной одежде, Харрингтон дернул было рукой в направлении оцелота, но сдержал порыв, тыкать в её сторону:

— Вы и киску с собой взяли?

— Она всегда со мной. А ещё моя ассистентка.

— Ассистентка? — удивился Харрингтон, глупо моргая.

— На свадебных приглашениях вроде всегда пишут «плюс один», — нахмурился Мор и полез в карман пиджака, отчаянно там копаясь. — Неужели я напутал…

— Да бросьте, Мор! — слегка покраснел отец невесты. — Конечно, вы могли взять с собой помощницу. Никаких неудобств. Должен ли я распорядиться о том, чтобы мисс встретили? — он закрутил головой, будто мог выпустить из виду целую женщину, стоящую в холле неподалёку.

— Нет. — широко улыбнулся медиум и вытянулся во весь рост с солдатской выправкой. — Я сам обо всём позабочусь. Лучше помогите найти комнату. Тут где-то болтался молодой человек с репой, думаю он вполне мог бы указать…

— Эээ… Я сам вас провожу.

И Харрингтон вцепился в руку Мора, потащив его вверх по лестнице. Оцелот семенила следом.

— Надеюсь, у вас есть план, мистер медиум… — пышные бакенбарды щекотали ухо. — Августине некомфортно в Торнбридже. Да и мне тоже! Каждую ночь мерещится, будто кто-то бродит в кромешной тьме… Ваша комната на том же этаже, что и комната Августины. Я рассчитываю…

Почти в обнимку они поднялись на второй этаж и двинулись по галерее вдоль стены, украшенной картинами. Харрингтон поддерживал Мора за руку и подталкивал в спину, будто тот едва держался на ногах. Достигнув поворота в жилое крыло, они встали перед внезапно распахнувшейся широкой тяжелой дверью:

— Помяни мое слово — Торнбридж проклят! Эта девочка кончит так же как и прочие… — визгливо и скрипуче шипела очень щуплая миниатюрная старушка, выкатываясь из кабинета на инвалидной коляске.

— Я не верю в проклятия. Только в человеческую глупость, передающуюся по женской линии. — Прогремело из-за двери.

— Ооо, мистер Мор, идёмте… — потянул за руку Харрингтон.

Но Мор остановил его ленивым движением ладони и, поправив помятый от крепкого захвата пиджак, сделал шаг в сторону старушки. Натягивая самое обезоруживающе лукавое выражение, какое ещё ни разу его не подводило, в особенности при разговорах с пожилыми дамами, Артур намеревался поприветствовать пожилую миссис, как из кабинета вышел высокий сухой мужчина.

— И если ты так уверовала в злые силы, которые преследуют женщин, входящих в семью Эшдаунов, то подскажи, когда они наконец заберут и тебя? Может, я смогу вздохнуть полной грудью… О, приветствую, — мутные серые глаза сфокусировались на Море, но быстро потеряли к нему интерес. — Томас! Я надеялся, что хотя бы кто-то из отцов присутствует в саду. Должно быть, гости чувствуют себя брошенными.

Мор ткнул в бок Харрингтона, застывшего от мрачного предзнаменования старенькой миссис, и, поражаясь плотности живота, в который уперся его локоть, медиум склонился к старушке:

— Позвольте представиться, Артур Мор. — Быстрое точное движение, и он протянул даме бумажную лилию, ловко появившуюся из манжета.

— Я читала о вас! — просияла старушка. Её почти прозрачная кожа, ясные голубые глаза и тонкие редкие волосы, плавающие вокруг головы, сдерживаемые повязкой, украшенной жемчугами, — делали её похожей на потустороннее привидение. — Вы медиум и заклинатель теней. Вы этот Артур Мор? — с предвкушением спросила дама, зачем-то вдыхая несуществующий аромат из бумажного цветка.

Артур подумал, что обрызгать парфюмом бумажные заготовки цветов — не такая уж плохая идея. Бабулька бы сейчас не выглядела такой безумной.

— А вы, — сладкоголосо отвечал он. — Хозяйка этого чудесного особняка?

— Матильда Кроу, — вмешался высокий господин из кабинета с недовольным лицом. — Моя тёща. Я Бэзил Эшдаун. Отец жениха.

Мор собирался протянуть руку, чтобы предложить рукопожатие, но Бэзил оборвал его намерение вопросом:

— А вы и правда медиум?

— Артур Мор! — кивнул Артур. — Медиум и проводник в мир духов. К вашим услугам.

Эшдаун цыкнул так, будто в дом притащили блохастого пса.

— Это ты позвала его? — сверкнул он глазами на миссис Кроу.

— Жаль, не додумалась! — зашипела в ответ старуха, откатываясь от двери с явным намерением проехаться колесом по носам лакированных туфель Бэзила.

— Бэзил, это мой гость. — Подбоченился Харрингтон и поспешил добавить. — Ты же знаешь, как молодёжь любит все эти новые веяния. Пусть развлекаются.

Мистер Эшдаун — офицер в отставке, хозяин Торнбриджа и по совместительству обладатель самого тяжёлого взгляда из ныне живущих — очевидно, не знал ничего о веяниях молодежи. Он уставился на медиума с плохо скрываемым презрением:

— И как вы планируете нас развлекать, мистер Мор?

— Сеанс! — воскликнула Матильда Кроу и хлопнула в ладоши. Её горящие глаза разом омолодили лицо на добрый десяток лет. — Мы вызовем духов.

— Не усугубляйте своё безумие, уверовав в глупые фокусы, — фыркнул хозяин. — Каких ещё духов вы собрались вызывать?

Он нахмурился так, что Мор понял — надо спасать ситуацию, или его попросту выставят вон:

— Всё будет абсолютно безобидно, или я верну вам деньги, — вырвалось у него с дурацким смехом.

После упоминания о банкнотах Харрингтон резко вступил в разговор:

— Бэзил, Августина очень хотела, чтобы я пригласил господина Мора, — примирительно начал он, из-за чего бабка снизу фыркнула так, что Мор усомнился в её высокородности.

— Ещё бы девица Харрингтон не желала поговорить с призраками… Того и гляди пополнит их ряды, — хихикала миссис Кроу.

— Вы угомонитесь? — шипел хозяин Торнбриджа, яростно косясь вниз на инвалидное кресло. — Разве врачи не прописали вам успокоительное, чтобы вся эта свадебная суматоха не трепала ваши нервы? — И тихо добавил. — И избавила нас от вашего общества.

— Прописал, но я не буду ничего пить! Хочу присутствовать. Я получу подтверждение о проклятье Эшдаунов, а ты пойдешь к чёрту, старый дурень! — разгорячилась миссис Кроу.

Бэзил Эшдаун на мгновение прикрыл глаза, смахнул несуществующую пылинку с лацкана пиджака и, выпрямившись, заговорил ледяным тоном:

— Я не намерен больше выносить этот цирк, — бесцветно начал он. — Гости меня ждут. Если всё будет ради веселья и не затронет чувствительных тем, я даю вам разрешение остаться, мистер Мор.

— Всенепременно, я даю слово. — Артур отзеркалил сдержанность и позу хозяина, чтобы вызвать его подсознательную симпатию.

— За сим, я временно откланяюсь. Мне нужно в сад к гостям. Присоединяйтесь, когда устроитесь. Томас, ты проводишь, гостя?.. Замечательно, замечательно. Увидимся.

Широкими чеканными шагами мистер Эшдаун обогнул стоявших рядом Мора и Харрингтона и уже приближался к лестнице, когда его окликнула Матильда:

— Бэзил! Я тоже направлялась в сад! Помоги мне спуститься. Бэзил! — взвизгнула она, когда зять, не обернувшись, подошёл к лестнице.

Зато он шарахнулся от белой керамической вазы, рядом с которой всё это время сидел оцелот, прячась под огромными листьями комнатного растения.

— Во имя всех святых! — Выкрикнул Бэзил, но поспешил дальше, не желая останавливаться и отвечать на призывы тёщи о помощи.

— Миссис Кроу… — с улыбкой начал Артур.

— Зови меня Мод, лапуля, — не глядя отреагировала миссис, гневно провожая Бэзила Эшдауна глазами.

— Кхм. Мод, вам с удовольствием поможет спуститься мистер Харрингтон, сразу как укажет на мою комнату. Я рассчитываю пообщаться ещё, когда присоединюсь к празднеству.

— Конечно, конечно. — Закивал Харрингтон.

— Ладно, Томас, — кивнула Мод. — Надеюсь, в твоём крупном теле не только жир, но и несколько мышц. И ты сможешь спустить даму вниз без происшествий.

Харрингтон был богат, но он стал таковым благодаря труду и работе. Чтобы преуспеть при таких вводных, можно оставаться человеком простым, но сообразительным и отходчивым. Поэтому торговец совсем не смутился, а, подкрутив бакенбарды, прорычал:

— Я могу спустить вас даже не снимая шляпы, мадам. Ещё увидите, сколько мышц в этом теле!

Мод удовлетворённо фыркнула и перевела взгляд на Артура:

— Эти Харрингтоны чудо какие милые люди! Не упустите шанс познакомиться с Августиной. Может, ещё отобьёте девочку у Эдварда. Ему для разнообразия полезно потерять даму не по причине смерти…

Все побледнели и замолчали. Мод, будто и не заметив, продолжила тоном военного командира:

— Ну, ладно! Томас, проводи господина и бегом ко мне. Будет чудо, если наши гости не смололи все закуски. Я как-то проводила благотворительный обед для малоимущих, так там не было настолько оголодавших ртов, которое демонстрирует светское общество во время трапезы за чужой счет.

Харрингтон повел Мора к его комнате. По дороге никто из них не проронил ни слова. Харрингтон опасался острого слуха старушки, а Мор витал среди огромного количества мыслей, захвативших его после интереснейшей встречи с Бэзилом и Мод.

Интерлюдия II

Генри Беккер открыл глаза и не смог сфокусироваться. Перед взором проплывали тусклые пятна, преимущественно серые и коричневые. Голова кружилась так, будто он лежал на полу быстро движущейся унылой карусели, лишённой хотя бы одного яркого цвета и весёлой музыки.

Беккер не сразу понял, где находится. Когда последние события вспыхивали и мерцали у него в голове, он всё больше убеждался, что застрял в чистилище. Конечно, его убили, и теперь израненная душа ждёт страшного суда, томясь в сером и безжизненном узилище.

Он снова закрыл глаза, стараясь забыться, но тут откуда-то донёсся знакомый грудной, зычный голос хозяйки пансиона, где он снимал чердак:

— Витольд, не думайте, что я забыла о плате за жильё! Беккер! Вас это тоже касается!

«*Я так и думал, что эта тётка посланница Сатаны. Даже в загробный мир за мной отправилась, чтобы стрясти презренный металл*», — мрачно подумал он.

Недомогающий Генри Беккер зачастую впадал в меланхолию и страдал излишним драматизмом.

Несмотря на растущее подозрение, что мисс Фостер — исчадье Ада, он ещё раз попробовал осмотреться. И в лёгкой дымке, все-таки опознал скошенную крышу, под которой проживал последние полгода.

— Надо же…кажется, я жив, — пробормотал Беккер и попытался подняться. И был тут же нокаутирован вспышкой головной боли. — А-а-ай, дьявольщина. Теперь я чуть менее рад, что не умер.

Поняв, что жизнь при нём, он решил: оставаться в постели — излишество, которое Генри редко мог себе позволить. По счастью, он знал средство, способное поднять его на ноги из любого состояния: кофе — чёрный, будто сваренный из угля и смолы, такой крепости, что им, казалось, можно поднимать из могилы. Чем молодой человек и собирался заняться.

Медленно перемещаясь по маленькой деревянной каморке, постепенно всё больше воскресая, Генри заметил яркое жёлтое пятно на полу возле двери. Насторожившись, он подошел ближе и, какое-то время возвышаясь, смотрел на яркий конверт, перебирая в голове, кому он мог бы понадобиться.

Хозяйка точно не стала бы писать официальные письма. Она была безграмотна. А ещё, что немаловажно, в приступе праведного гнева, собирая долги с наивных жильцов, уже не раз попросту вышибала трухлявые двери, навалившись плечом. Но Генри всегда исправно вносил оплату, опаздывая ровно на неделю и один день.

Если появлялись предложения о работе, то обращались непосредственно в цирк. Каблучок — кудрявая кокетка с маленькой игривой родинкой над губой, всегда передавала ему записки и контакты. От остальных он свой адрес скрывал. Так кто нашел его и зачем?

Беккер сел на корточки, поставил дымящуюся чашку на пол и потянулся за письмом. В глазах потемнело, он покачнулся, почти падая на мягкое место, но удержался. Проморгавшись, всё-таки дотянулся до конверта и прочитал надпись:

«Господину Генри Беккеру. Срочно. Лично в руки».

— Судя по вензелям и нетвердой руке, нам пишет юный, но очень старательный клерк. А вот тон выдаёт, что диктовал большой чиновник…

Он обернулся к окну, где обычно на прочном насесте восседал красочный огромный попугай, комментирующий любые обращенные к нему реплики словами: *«Жаль к перьям не прилагаются мозги»*и, спустя мгновение, по настроению добавлял: *«Дурак!»*. Единственные слова, которым обучился Пират за время работы в цирке. Его хотели продать и, в общем-то, продали Беккеру, но почти задаром по дружбе.

Генри вздохнул, понимая, что ему не хватает птицы. И пообещал забрать его сегодня же у Каблучка. Даже если та обрушится с укорами за, уже который раз откладываемое, свидание.

Отмахнувшись от этих мыслей, — женщины никогда не были для Беккера угрозой, в отличие от конторских мужчин в накрахмаленных рубашках, отглаженных пиджаках, и с серьёзными лицами, — Генри провел пальцем по слегка смазанным последним буквам на конверте.

— Подписали и тут же отправили. Обычно, письма складывают в маленькую корзиночку, и они лежат там, дожидаясь посыльного.

В животе скрутило от неприятного предчувствия. Он открыл конверт. В голове сразу пронеслось: *«Почерк мелкий, наклонённый вправо, ровный — рука поставлена для ежедневной переписки, но немного дрожит, значит писарь работает недавно. Чернила густые, без подтёков — конторские. Бумага плотная, хорошего качества, очень дорогая»*.

Письмо содержало следующий текст:
«Господин Беккер,
Вас вызывают в контору адвоката мистера Хораса Лоури
для обсуждения наследственного дела.
Прошу прибыть завтра ровно в полдень.
Опоздание недопустимо.
Х. Л».

— Наследство? — Всё-таки шлёпнулся на пятую точку Беккер от удивления и трижды перечитал письмо. Он старался обнаружить едва заметное расхождение с собственным именем, чтобы объяснить, как это письмо могло оказаться на полу его чердака.

Стоило убедиться, что ошибки нет, как Беккера разобрал хохот. Прибыть для обсуждения наследства! И с кем? С ним? Особенно Генри веселило, что последние двадцать лет он был круглым сиротой.

Успокоившись, он подхватил кружку, поморщившись от того, что обжигающий кофе стал едва горячим, и двинулся вместе с письмом к расшатанному вращающемуся стулу на колесиках для фортепияно.

Инструмента у Беккера не было, зато была страсть кататься по скрипучему деревянному полу, посыпая головы соседей снизу пылью и щепой. Отталкиваясь от стола или кровати в зависимости от того, в какую часть маленькой каморки он направлялся, Генри чувствовал себя капитаном шхуны, попавшей в шторм, где всё раскачивалось и скользило из стороны в сторону.

Усевшись и медленно кружась вокруг своей оси, Генри Беккер задумался о возможных утерянных родственных связях.

Его отец был иллюзионистом и всю жизнь проработал в цирке. Генри всегда считал, что и бабка с дедом по этой линии тоже принадлежали яркому, обманчивому миру представлений. И не удивительно. Отец знал всё не только об изнанке выступлений, но и о финансовой стороне вопроса: о том, как согласовывать с властями городов аренду помещения и гастроли… И часто упоминал, что впитал эти знания от родителей.

С матерью было сложнее. Она сбежала с цирком, как бы это не было банально и романтично. Беккер был уверен, что до этого она жила в нищете. Её отец был рыбаком — безбожно пьянствующим и временами поколачивающим своих многочисленных детей.

Когда мать вышла из возраста ребенка и аппетитно оформилась, вопрос о побеге стал для неё насущным. Стоило девице увидеть огни, музыку и полосатый шатёр, где всегда весело и радостно, как она решилась. Когда девушку нашли среди тюков сена, приготовленных для лошадей, она умоляла дать ей работу, угрожая, в случае отказа утопиться в городской рекевонючке.

Родители рассказывали, что отец увидел потенциал и убедил директора оставить девушку. Сначала она, конечно, следила за животными и убирала навоз. Так и узнала, что яркий цирковой мир имеет очень непритязательную оборотную сторону.

В то же время, привыкшая трудиться и не унывать, окружённая пусть сложными, но дружелюбными людьми, она открыла в себе страсть и способность к работе с животными. Вскоре её стали обучать верховой езде и через год она смогла начать выступать. Ещё через три родился Генри.

А ещё через шесть лет отца ограбили и ударили ножом в какой-то подворотне, когда он возвращался из банка с кредитом на покупку чистокровной верховой кобылы для нового номера матери. Она не смогла пережить эту потерю, настолько измотав свой организм, что лёгкая простуда обратилась серьёзной лихорадкой и забрала её через полгода после смерти мужа.

Так Генри Беккер остался один. С семи лет он считался талисманом и самым большим любимцем странствующего цирка Дюкро — вполне себе прибыльного заведения, которое со временем открыло в столице свой маленький театр. Где и выступал Беккер по сей день в качестве иллюзиониста и фокусника, совсем как отец.

Вращающийся стул под Генри резко затормозил, достигнув конца винта, и мужчина залпом осушил кружку с холодным кофе.

— Могли ли у матери оказаться богатые родственники? Тогда зачем от тирании отца бежать с цирком, а не к ним?

Он нахмурился и снова взглянул на пустующее место Пирата. Ему не хватало птицы, чтобы делиться своими мыслями. Пусть даже ответом стало бы насмешливое: *«Дурак!»*

Где-то на задворках памяти выцветало и блекло воспоминание о вчерашнем дне. Чёрный кофе делал своё дело и терпкая обжигающая горечь возвращала Генри способность мыслить. Он собирался обдумать произошедшее накануне, но вместо этого увидел письмо.

То, что произошло с его сознанием дальше, можно сравнить с полетом бумажного змея в ветреный день. Стоило отвлечься, и порыв неведомой силы вырвал мысль из головы, унёс вместе с ней воспоминания и любые ощущения прожитого вечера.

Глава 3

Дверь мя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.